

Рунная кожа—хрупкая—рука. Низкий голос донесся сбоку, слово за словом, словно пробуя звук на вкус глубоко в горле и лишь затем выпуская наружу, а следом послышался тихий вздох, и мою руку бережно взяли.

Неужели он может быть настолько прекрасен? Теплые, влажные губы опустились на тыльную сторону ладони, легко скользя по ней снова и снова.

Я не шевелился и даже не испытывал страха — этот день рано или поздно настал бы, как от него ни беги и как себя ни обманывай. Пусть умом я не блещу, но правду вижу ясно, а по природе своей труслив, ленив и слаб, так что даже бороться не хочется. Разве сильные мира сего не любят покорять? Что ж, пусть покоряет. Мне не жалко отдать свое тело, раз уж уберечь его всё равно не выйдет.

Скажи, что любишь меня, Мура... Влажные, скользкие губы коснулись моего уха, а властная рука уже ласкала чувствительное место на груди.

Люблю тебя. Я закрыл глаза и легко улыбнулся уголкам рта — мне не жалко улыбнуться, когда плакать уже нельзя.

Мое имя? Рука наказала меня легким, но болезненным сжатием, а кончик языка прошелся по моим ресницам.

Открой глаза. Голос стал еще ниже и хриплее, тело, прижатое ко мне, напряглось. Ха, кто сможет устоять перед моей улыбкой? Даже такой бессердечный человек, как он.

М-м... я люблю тебя, Мучэн. Приоткрыв затуманенные влагой глаза и слабо затрепетав ресницами, я заговорил еще слаще и нежнее, хотя в сердце всплыло лишь одно сравнение: что человек здесь — нож и доска, а я — рыба на разделочном столе. Улыбка на моем лице невольно стала шире, еще шире...

Раскаленное тело придавило сверху, как же тяжело. Я с трудом пошевелился, заставив его резко, со свистом втянуть воздух.

Ах ты маленький бесёнок, ты и впрямь способен свести человека с ума.

Дыхание у моего уха становилось всё чаще. Одним сильным движением руки он разорвал одежду, и мягкие лоскутки полетели на пол — такие же жалкие и разбитые, как мое завтрашнее утро.

Я взглянул в его глаза — полные восхищения, вожделения и... жестокости, от которых у меня замерло сердце. Он тоже в упор смотрел на меня, выпрямился, слегка прищулив глаза, и на миг в них мелькнул острый, пронзительный блеск. Рука на моей талии сжалась так крепко, что стало нечем дышать, а твердый, пышущий жаром бугорок уперся в сокровенное место,

сдерживаясь из последних сил.

Ах, нет... я торопливо стер с губ улыбку, мои широко раскрытые глаза мгновенно заволокло ужасом, в них скопились чистые слезы, скатившиеся по похожему на нефрит mǎt, и я изо всех сил забился. Если положено бояться — нужно бояться. Как может такой слабый человек, как я, не плакать в подобном положении? Раз уж сбежать нельзя, пусть хоть мучений будет меньше.

Мне не жалко заплакать, когда это необходимо. К тому же, что еще способно вызвать столько жалости, как слезы красавца?

Не надо, старший брат, я... так боюсь, я ломаюсь, я... умру же!

Моя бедная крошка... Рука на талии чуть ослабла, и упершийся в меня член немного отделился.

Стоит мне взглянуть на твое тело, и я теряю над собой контроль, чуть было не забыв, что моя крошка — совсем еще невинна. Как же быть, крошка? Здесь у тебя еще совсем сухо. М-м? Голос был полон злых, насмешливых ноток. Крошка — так меня за глаза называл второй брат.

Я не знаю, умоляю... умоляю тебя! Я закрыл глаза. От судьбы не уйти, второй брат, второй брат...

Какой сладкий голос! Его губы яростно впились в мои, язык бесцеремонно вторгся внутрь, властно сминая и переплетаясь с моим в диком танце. Когда он наконец отстранился, я был уже совершенно без сил, способный лишь тяжело дышать.

Какой сладкий ротик. А интересен ли другой?

Ноги с силой развели и приподняли, влажный горячий язык принялся вылизывать меня. Мне показалось, что в голове гроыхнуло, поясницу пронзила боль, будто ее переломили пополам, вся кровь прихлынула к низу живота. Зрение затуманилось, звуки отдалились, но рассудок упорно отказывался угасать, становясь лишь кристально яснее. Душа словно отделилась от плоти и парила в воздухе, наблюдая со стороны — тихо и холодно.

Наблюдая, как прелестного юношу переворачивают и безжалостно пронзают; наблюдая, как крепкий мужчина оставляет на его теле бесчисленные синяки, багровые отметины от зубов вперемешку с кровью и густую белую жидкость; наблюдая, как он кричит от боли, пока голос совсем не осип... неужели это... я? Мужчина с мужчиной — и впрямь невероятно больно, но такова моя судьба, против нее не пойдешь, верно? Мне остается лишь покориться. На губах проступила улыбка, и тьма поглотила всё вокруг. Лунный свет струился водой, безмолвная луна холодно сияла в вышине.

Проснувшись, я обнаружил, что комната залита светом. Стиснув зубы, я приподнялся: одежда

была в полном порядке, тело — чистым и легким. Очевидно, меня уже привели в порядок. Наконец-то это испытание позади, и в сердце даже зародилось странное облегчение. Я горько усмехнулся. Меня часто клеймили бесстыдной шлюхой, и у меня действительно не осталось и капли стыда.

Я, Су Мужань, внебрачный сын хозяина Виллы Опадающих Вершин и бывшего главы боевых искусств Су Чанцина. Говорят, моя мать была простой служанкой; соблазнив хозяина и родив меня, она вздумала отравить главную госпожу, за что та сослала ее в самый заброшенный и глухой уголок поместья, где матушка вскоре сошла с ума. Вторая госпожа сжалилась над нами и приставила старую служанку матушку Хуан заботиться о нас. После смерти матери и матушки Хуан она и вовсе забрала меня к себе на воспитание. Тогда мне было шесть лет, а второму брату Мухуа исполнилось десять. Месяц спустя я впервые встретился с остальной «семьей». Девять лет спустя, сегодня, я до сих пор отчетливо помню, как предстал перед всеми в свои шесть лет.

Второй брат, крепко держа меня за руку, с гордостью привел в главный зал.

— Отец, посмотри, какой младший брат красавец! Ну же, младший, подними голову.

Я послушно поднял лицо, и в зале воцарилась тишина. Я прекрасно понимал, в чем дело: с самого детства каждый, кто видел меня, замирал в изумлении. Я улыбнулся. Будучи еще совсем маленьким, я уже успел познать холод и тепло человеческих сердец. Моя обезумевшая мать била меня, и чем сильнее я плакал, тем беспощаднее становились удары. Только улыбка заставляла ее остановиться. Поэтому я улыбался, когда было страшно, улыбался от напряжения, улыбался от боли, улыбался, когда не знал, что делать...

За шесть лет я впервые увидел отца. Он показался мне даже более красивым, чем я представлял, но никаких других чувств я не испытал, как и не питал надежд обрести отцовскую любовь. Я спокойно опустил на колени, поклонился, но не осмелился подойти ближе и уж тем более назвать его отцом.

— Никчемный выродок! — прекрасная женщина рядом с отцом гневно уставилась на меня. — Кто позволил ему явиться сюда?

— Старшая сестра, он все-таки плоть и кровь нашего господина.

Вторая госпожа произнесла это, подошла к отцу и прошептала что-то ему на ухо. Отец кивнул.

Главная госпожа в ярости покинула зал. Вторая госпожа улыбнулась — очень сладко.

— Прекрасно, теперь у меня будет два сына. — В ее голосе сквозили радость и нежность, но взгляд говорил мне, что она точно так же презирает меня.

Третья госпожа сидела внизу и не проронила ни слова.

В тот день отец признал меня, даровал имя Мужань, но так ни разу и не проявил близости. Сестры (до сих пор не могу разобраться, кто есть кто) тоже не желали общаться со мной, а второй брат говорил, что это из-за их зависти к моей красоте.

При мысли о втором брате сердце пронзила боль, но улыбка на моих губах стала лишь шире.

— Третий молодой господин, вы очнулись! Как хорошо! — вошла Цуй'эр с подносом еды, и я тут

же почувствовал, как желудок скрутило от голода.

Цуй'эр на год старше меня. С десяти лет, когда меня перестали селить вместе со вторым братом, она всегда была рядом.

Я улыбнулся ей и хотел было спустить ноги с кровати, но чуть не рухнул.

Цуй'эр бросилась поддерживать меня и вдруг разрыдалась.

— Глупая девчонка, чего реवेशь? Лучше покорми меня скорее, хочешь, чтобы я с голоду помер? — Голос прозвучал хрипло и неприятно, и я снова улыбнулся.

Она лишь зарыдала еще сильнее. Цуй'эр стала первым человеком, который обливается слезами, глядя на мою улыбку. Эта девчонка, я совсем ее избаловал. Беспомощно покачив головой, я тихо прислонился к ней — видимо, придется еще немного поголодать. К тому же и горло болит, так тяжело.

— Добрая моя Цуй'эр, дай мне хоть воды попить. Твои слезы, конечно, льются, как дождь, но жажду утолить не могут.

Плач прервался.

— Молодой господин, вы... вы в таком жалком состоянии, а у вас еще есть силы шутить. Как... как вы можете быть ко всему равнодушным?

Цуй'эр резко вскочила, и я, всем весом опиравшийся на нее, полетел с кровати на пол.

Не успел я даже вскрикнуть от боли, как меня подхватили. Раздался хлопок — это Цуй'эр вышвырнули за дверь.

Дверь захлопнулась, и меня снова уложили на кровать. Звуков от Цуй'эр не доносилось, не знаю, что с ней стало.

Я поднял глаза и встретился с пронзительным взглядом. Что теперь? После вчерашней ночи, как мне себя вести? Изобразить ужас? Упасть на колени и молить о пощаде? Заливаться слезами? Или молить о смерти? Но я слишком устал и слишком голоден, пусть сложные представления подождут, пока появятся силы. К тому же, боюсь, такие методы бесполезны против холодного человека, только себе во вред.

— Старший брат, похоже, мне придется попросить тебя покормить меня. Давай начнем с той миски супа.

Наевшись, я довольно вздохнул. Приходится признать: Су Мучэн кормит неплохо. Наблюдать за тем, как такой мрачный человек совершает столь бережные движения, было довольно забавно. На самом деле мои раны были не настолько серьезны, чтобы я не мог есть сам, просто мне было лень.

Мой старший брат — человек странный. Двенадцать лет не появлялся дома, а стоило вернуться — и за два месяца выгнал второго брата и вторую госпожу.

Из-за наследства? Три года назад отец оставил записку и ушел, передав половину Виллы Опадающих Вершин, а также все торговые лавки, рестораны и судоходные компании второму брату, который за эти годы наладил дела. Но после ухода второго брата Су Мучэн просто

поручил управление Чу Фэнляну, а сам даже не взглянул на дела.

Чтобы отомстить за мать? После ухода отца главная госпожа закатила скандал, но вторая госпожа довела ее до того, что та выхаркала кровь и уехала лечиться к своим родителям. Однако, захватив имущество, он не вернул главную госпожу обратно.

Не знаю, что стало со вторым братом после того удара. Все говорят, что он с детства был одарен в боевых искусствах и считался редким талантом. В записке отца было сказано: Мухуа в мастерстве превосходит меня в молодости, в мире боевых искусств у него почти нет соперников... Но он не продержался и десяти ударов против Су Мучэна. Второй брат горд и самлюбив, он никогда не знал поражений, боюсь, теперь ему придется несладко. Сонливость одолевала, я то и дело зевал, а человек, стоявший передо мной, не проронил ни слова и уходить не собирался. Что ж, он никогда не умел чувствовать момент, да и чего ждать от того, кому никогда не приходилось заглядывать в глаза другим? Я горько усмехнулся про себя.

— Старший брат, я очень устал, хочу спать. Можно? — мой тон был предельно почтителен.

Су Мучэн нахмурился, глядя на меня:

— Ты... ладно, спи.

Он сел на край кровати и положил широкую ладонь мне на голову. Я повернулся на другой бок и вскоре провалился в сон. Проснувшись среди ночи, я обнаружил его рядом. Впрочем, всё здесь теперь принадлежит ему. А я... я существую лишь до тех пор, пока рядом второй брат.

Утром он уже ушел. Цуй'эр вернулась засветло, но ходила с каменным лицом, не желая обращать на меня внимания. Она лишь холодно наблюдала, как Дун'эр умывает меня, причесывает и помогает одеться, и с явным раздражением слушала, как та не устает расхваливать мою внешность.

— Третий молодой господин, у вас такие прекрасные волосы! — Дун'эр, которую нашел для меня Су Мучэн, была девушкой умной, расторопной, красивой и языкастой.

— И чем же они так хороши? — решил подшутить я.

— Они черные, блестящие, мягкие, как шелк... А еще... как водопад... Ой, не знаю, как сказать, просто они чудесные!

Я невольно улыбнулся, а лицо Цуй'эр стало еще мрачнее.

— Третий молодой господин, вы такой красивый! Когда я впервые вас увидела, то подумала, что передо мной небесная фея... нет, небожитель! Я даже ущипнула себя за ногу, чтобы проверить, не сплю ли.

— И как?

— Поняла, что не сплю.

Я рассмеялся:

— Дун'эр, ты такая забавная.

Хлоп! Цуй'эр ударила ладонью по столу, вскочила и, указывая на меня пальцем, резко бросила:

— Второй молодой господин так добр к тебе, а ты... ты так неблагодарен! Как ты смеешь так поступать с ним?!

— Сестрица Цуй'эр, нельзя так разговаривать с молодым господином! — Дун'эр встала на мою защиту.

— Убирайся!

— Третий молодой господин... — Дун'эр виновато посмотрела на меня.

Я похлопал ее по руке, улыбнулся и сказал:

— Ступай пока.

Как только Дун'эр вышла, я тут же схватил Цуй'эр за руку и прошептал:

— Громко плачь.

Цуй'эр опешила, а я повысил голос:

— Не думай, что раз я обычно тебя балую, ты можешь так со мной разговаривать!

— Я... — Цуй'эр зарыдала.

Я прикрикнул:

— Совсем распоясалась, сегодня я обязательно тебя накажу!

Я обмакнул палец в воду и написал на столе: Никто не знает, что ты владеешь боевыми искусствами. Я устрою тебе побег, уходи как можно скорее.

Цуй'эр покачала головой, продолжая рыдать. Я отвесил ей звонкую пощечину — удар был тяжелым.

— Эта пощечина — чтобы ты знала свое место.

Я написал: Второй брат тяжело ранен, его жизнь под угрозой. К тому же, мы связаны друг с другом, мне не сбежать.

Цуй'эр бессильно кивнула, слезы градом катились из ее глаз. Я улыбнулся, опрокинул чашку с водой на стол, и Цуй'эр, как бы в ярости, опрокинула стол и тут же опустилась на колени.

Дверь с грохотом распахнулась, в комнату влетела Дун'эр, а за ней показался Чу Фэнци.

— Третий молодой господин, вы в порядке? — лицо Дун'эр было полно тревоги.

Я покачал головой. Девчонка действительно умеет притворяться — сразу видно, что воспитана сильным хозяином.

— Приветствую третьего молодого господина.

— Герой Чу, что привело вас ко мне?

— Старший господин отправился принимать гостей и велел мне доложить вам об этом.

— Понятно. Не стоило вам утруждать себя, герой Чу.

— Покорный слуга удаляется.

Я улыбнулся. Надо же, приставить ко мне одного из легендарных братьев Чу для охраны — какая честь! Чу Фэнлян — мастер светских бесед, Чу Фэнци — холоден и безжалостен. Оба прославились еще подростками, став известными героями цзянху. Когда-то второй брат рассказывал мне их истории на ночь. И вот такие люди покорились Су Мучэну... Второй брат, у тебя нет ни единого шанса на победу.

— Третий молодой господин, сестрица Цуй'эр просто помутилась рассудком, простите ее.

Умница Дун'эр, знает, как дать хозяину возможность сохранить лицо — уже одно это делает ее лучше глупенькой Цуй'эр. Второй брат, ты скрыл от меня, что Цуй'эр владеет боевыми искусствами, и приставил ее меня охранять. Но у нее нет хитрости, из-за чего я столько лет страдал, не имея возможности и слова вымолвить, и оказался в таком положении. В выборе людей ты проигрываешь.

— Дун'эр, ты ведь еще не видела Виллу Опадающих Вершин? Пойдем, прогуляемся.

— С удовольствием! Но ваше тело еще не окрепло, давайте сходим в сад неподалеку.

— Хорошо, пойдём.

— Возьмем с собой сестрицу Цуй'эр? Ну пожалуйста, господин.

Хочет оставить ее рядом, чтобы следить за мной? Я улыбнулся и кивнул. Эта девчонка, если бы не была человеком Су Мучэна, была бы отличной собеседницей. А теперь, когда рядом такой человек, нужно быть вдвойне осторожным.

Едва мы подошли к саду, как изнутри донеслись голоса.

— Боже, Вилла Опадающих Вершин так знаменита, но этот сад просто ужасен. Фэнлянь, что это за цветы? Похожи на сорняки, — раздался мелодичный женский голос.

— Не знаю насчет названия, кажется, в народе их называют Неумирайки, — ответил ясный мужской голос. Это был Чу Фэнлянь. Кто эта девушка, если ради нее он готов тратить время?

— Ха-ха-ха, откуда взялись такие цветы? Обхохочешься!

Лицо Цуй'эр исказилось, и она ворвалась внутрь.

— Кто позволил вам войти? Убирайтесь!

— Какая дерзость! Фэнлянь, кто эта девка?

Ох, глупая девчонка, такая же вспыльчивая, как всегда.

Этот сад назывался Сад Мужань — второй брат подарил его мне, чтобы я мог развеяться. Раньше сюда никому нельзя было входить без спроса, но теперь всё изменилось, и над моим уединением посмеиваются. Конечно, никаких редких цветов здесь не было: я ленился, и те, что требовали ухода, давно погибли. Но это было мое самое любимое место. Резные перила и расписные балки всё еще на месте, но всё вокруг изменилось до неузнаваемости.

Я бросил взгляд на Дун'эр, она тут же шагнула вперед, а я так и остался стоять в дверях.

— Княжна Фэн, старший брат Чу, сестрица Цуй'эр — моя подруга. Она не знает, кто вы, и невольно проявила грубость. Я прошу прощения за нее.

— Кто твоя подруга? Убирайтесь отсюда!

— Какая нахальная девка! Фэнлянь, твой управляющий не справляется со своими обязанностями.

— Княжна, здесь и правда не на что смотреть. Давайте лучше сходим к вашему старшему брату и господину, они как раз играют в шахматы. Дун'эр, почему ты еще не увела эту невоспитанную девчонку?

Я не хотел с ними встречаться и попытался отступить в сторону, но забыл о своей слабости, споткнулся и упал прямо на глазах у всех.

— Третий молодой господин! — Цуй'эр и Дун'эр бросились ко мне, помогая подняться.

— Приветствую третьего молодого господина.

— Управляющий Чу, не нужно церемоний.

— Дун'эр, тело третьего молодого господина еще не восстановилось, как ты могла позволить ему выйти? Если господин разгневается, как ты ответишь? Быстрее проводи третьего молодого господина отдыхать!

— Погоди, третий... молодой господин? Ты мужчина? Как может существовать настолько красивый мужчина? Ты... — княжна Фэн, наконец, сообразила, в чем дело, и преградила нам путь.

Я улыбнулся и склонил голову:

— Я Су Мужань. Княжна Фэн, вы обладаете и красотой, и талантом, в боевых искусствах не уступаете мужчинам. Я много слышал о вас, и сегодняшняя встреча подтвердила, что молва о вас правдива.

— Су Мужань, ты брат старшего брата Су? Почему я никогда от него не слышала? С таким красивым братом, да еще таким вежливым и послушным, я бы каждый день хвасталась перед всеми! Давай ты будешь моим братом?

Я промолчал, лишь улыбнувшись. Забавная особа, эта княжна.

— Княжна, пощадите третьего молодого господина. Дун'эр, скорее проводи его!

— Нет, я решила: он будет моим братом! Я пойду и скажу старшему брату. Пошли, Мужань, я познакомлю тебя со своим братом!

Княжна бросилась ко мне, пытаясь схватить за руку, но ее остановили Чу Фэнлян и Дун'эр. В итоге завязалась потасовка. Фактически, княжна вызвала их на бой, а поскольку она была сильна, им пришлось отбиваться, боясь ненароком задеть меня.

— Весело! Смотрите, как я могу! — хохотала княжна, атакуя всё яростнее. — Мужань, смотри, как твоя сестра покажет им мощь!

Идеальный момент. Я прошептал Цуй'эр:

— Беги в суматохе, сейчас! Скажи второму брату, чтобы не искал меня, я сама его найду.

Су Мучэн вернулся только с братьями Чу, Дун'эр появилась позже, а остальные слуги на вилле были новыми. Цуй'эр много лет была рядом, но даже старые слуги вряд ли узнали бы ее. Тем более, что она мастерски владеет искусством перевоплощения, и уйти днем ей было проще, чем ночью.

Теперь Дун'эр присматривает за мной, Чу Фэнлянь занят княжной, а Чу Фэнци, должно быть, где-то поблизости. Раз все они здесь, они ни за что не подумают, что Цуй'эр решится уйти прямо сейчас.

Береги себя, — я улыбнулся Цуй'эр и закричал: — Перестаньте! — бросаясь между ними.

— Третий молодой господин!

— Мужань!

— Фэнци!

Раздался грохот: Дун'эр и Чу Фэнлянь упали, видимо, слишком резко остановив прием, а Чу Фэнци встал передо мной, приняв удар княжны Фэн на себя. Изо рта у него брызнула кровь, и все замерли от испуга.

— Простите, это всё из-за меня. Герой Чу, вы в порядке? — я поставил на то, что Чу Фэнци спасет меня, и выиграл.

Чу Фэнлянь и княжна Фэн тут же бросились помогать ему, а Дун'эр стрелой вылетела из сада — наверное, побежала за Су Мучэном. Легкий навык у нее превосходный.

Когда-то здесь было маленькое озеро. В семь лет я едва не утонул в нем, и второй брат в гневе велел засыпать его, построить стены, и оно стало нашим тайным местом. Второй брат не пускал сюда никого, каждый кустик здесь мы сажали вместе, своими руками. В десять лет, когда я был при смерти, второй брат сидел со мной всю ночь, обнимая меня. В тот день он впервые поцеловал меня и сказал, что готов отдать мне свою жизнь. Я чудом пошел на поправку, но мне вынесли приговор — никогда не заниматься боевыми искусствами. В эти годы второй брат был слишком занят, я — слишком ленив, и когда это место стало таким запущенным?

Цуй'эр должна была уже уйти. Теперь моя очередь.

<http://bllate.org/book/21137/2144043>